

Игорь Губерман — автор нескончаемых «гариков», всенародно признанный гений четверостиший с общедоступным юмором и философским смыслом, честный, прямолинейный, изгнанный из страны в 88-м, активный недиссидент — для листа белой бумаги заметит смешное даже на кладбище. Например, высеченное в камне на надгробиях типа: «От жены и «Мосэнерго» или «Спи спокойно, дорогой муж, кандидат экономических наук». Для себя самого у Губермана поэзии, пусть даже саркастической, остается меньше. Все больше проза, на темы о биологической кибернетике (написанный Губерманом еще до отъезда «Третий триумвират») или же о психиатрии исследования мозга («Чудеса и трагедии черного ящика» им же, тогда же). Он был когда-то журналистом. Сидел — судимость потом сняли. В перестроечное время был поставлен МИДом перед фактом о собственном выезде в Израиль. Каким он там стал — судить читателям по нашей беседе (о детях, семье и вредных привычках) в один из визитов Губермана в Москву.

веч. Москва. — 1997. — 16 января. — с. 12.

С Гариком, но у тещи

В квартире, напротив Третьяковки, меня торжественно посадили на антикварный стул, довольно дорогой стоил: принесла его в антикварной чашке и поставила перед нами на антикварный столик Лидия Либединская — теща поэта, который пронес любовь к ней сквозь годы и страны...

— Игорь Миронович, ваши идеальные отношения с тещей складывались от безысходности или же от действительной гармонии душ?

— Даже если бы я боролся с тещей, ничего бы не получилось. Потому что она человек необыкновенно интересный и странным образом сочетающий чудовищную активность в общественной жизни, в дружбе, в общении и невероятную тактичность и невмешательство, очень странные для молодой женщины, в жизни семейной. Да, про себя она что-то осуждала и осуждает, но она никогда это не говорит вслух. Это полное счастье.

— Ваши дети часто ли дарят вам минуты, благотворные для творчества?

— Дети, по счастью, живут отдельно, и на мое «творчество» им плевать. И слава Богу, зачем это нужно. Дочь у меня — мужняя жена, работающая. В городском муниципалитете в Израиле, но — привратником: дверь открывает и закрывает и объясняет, куда кому идти. А сын — программист, с чувством юмора.

Поэтому жизнь у него будет тяжелой. Когги точит на мне.

— А внуки что говорят вам по поводу «гариков»?

— Да чушь всякую детскую. В основном, на иврите, которого я не знаю. А одна совсем еще ничего не говорит — только что родилась.

— Тема возлюбленных с прессой обсуждается?

— Видите ли, то, что я пишу о женщинах, исходит как бы от литературного героя, это я не оправдываюсь. Раньше я был чудовищно влюбчивый, сейчас это ослабло. Я недавно получил замечательную записку на концерте, если хотите, опубликуйте: «О, Гарик, я в своих объятьях тебя истерла бы в муку, но жаль, публично ты признался, что у тебя уже ку-ку». Я ее зачитал вслух, и все очень смеялись...

На этом «народном» гарике в комнату снова вошла Лидия Либединская с блюдечком печенья и сладостей. Почти бугафорных, наверное, израильских — в Москве таких расписных лакомств никогда не было.

— Если делать зарисовку «Губерман в быту» глазами домашних...

— Это было бы страшное зрелище: я проклял бы такого и выгнал из дому. С утра я совершенно черный, когда Тата (жена. — Прим. ред.), проснувшись, выпьет чай и закуривает, она даже отходит в другую комнату, так ей противно на меня смотреть. Мерзкий, мрачный, активный нежворонок. Что же еще, эгоист, неряха, деспот, угрюмый тип — вот, пожалуй, главное, что они

про меня написали. Если бы решились.

— А когда у вас настроение меняется?

— Да оно все время ровное — такое же мерзко ворчливое, как утром...

— Тогда любимый угол в этой московской квартире или кресло есть?

— Для меня это — вся тещина квартира, в которой я отлеживаюсь и отпаиваюсь в промежутках между концертами в России. Мне здесь очень хорошо, и, пожалуй, только дом тещи остался местом, где я ощущаю невероятное счастье. Но это бывает не очень часто: я езжу с выступлениями всего два-три месяца в году — месяц в Германии, месяц в Америке и только месяц — в России. Все остальное время сижу дома в Иерусалиме и пью кофе. И режим дня у меня ни катится ни к чему хорошему, пото-

му что режима совсем нет. Я целый день сижу, что-нибудь читаю. Пишу письма, — если поведет — стишки. Нет — так схожу за продуктами, на почту, а вечером — это почти всегда друзья и выпивка. Потому что если нет гостей и мы не идем в гости, то мы с женой вдвоем выпиваем — и все равно этим вечер кончается вот уже много лет. Многими своими идеями и стишками я обязан этим вечерам и моей жене, потому что иногда, меня понося, она вдруг скажет чудесную фразу. А так она у меня очень хороший критик — мы вместе 32 года, и сейчас она меня уже не критикует... О каких-то стихах только говорит, что это лучше не читать на концертах и я их не читаю.

— Спрашивать, есть ли у вас свои «гарики» глупо. Но можете назвать свои любимые слова или буквы русского языка?

— Букв любимых тоже нет, а слова есть, только ни одно из них не может быть воспроизведено в газете.

— Да, сейчас демократия...

— Ой, перестаньте. Мои друзья недавно сняли обо мне кино — очень хорошее. Естественно, там много неформальной лексики. И вот это кино покупает московское телевидение и требует, чтобы вместо этих слов был провист. В России, в русском языке, ну что это такое?..

— Скажите, а ваш «творческий процесс» регулированию или стимулированию поддается?

— У меня его, к сожалению, нет, мне очень стыдно. Обычно вечером, по пьянке, украдешь у кого-нибудь мысль или шутку застольную, тайком ее запишешь, а утром уже варишь кофе, и она варится. Потом я ее просто запрячу в сеточку — в рифму, чтобы никто не обнаружил кражи, вот и весь мой творческий процесс.

— Особенно хорошо у вас писать с классиками на пару получается, да и они не обижаются...

— У классиков брать легче, но я и у живых краду, иногда вслух об этом говорю, чаще — молча. Своих-то мыслей нет.

— Зато рифмы — свои.

— Это да.

Чай остыл. Печенье осталось нетронутым, а от чего-то покрепче я отказалась.

Варвара КАРПЕЕВА

Фото Владимира БОГДАНОВА